

СТИХИ И ПЕСНИ

ПОЭТЕССЫ
СЕРЕБРЯНОГО
ВЕКА

Нина Щербак
Поэтессы Серебряного
века (сборник)
Серия «Стихи и песни.
Премия народного признания»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6691419

Поэтессы Серебряного века / Сборник. : АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-271-40642-3

Аннотация

Поэтессы – еще опаснее, чем поэты. Страстные женщины, отдающие свои слова и чувства, возможно, проживающие несколько любовных историй одновременно...

Стихи русских поэтесс обращены к мужчинам, женщинам, нередко – к вымышленным героям. Тем не менее именно личные переживания больше всего отражаются даже не в самих словах, а в ритме, музыке, даже паузах стихотворного произведения. Монолог с самой собой, нежная беседа, пылкие признания, ненависть, негодование, даже истерика – каждое движение души... Часто их скрытые желания, надежды и мечты воплощаются именно в строках, а не в реальной жизни...

Содержание

Анна Ахматова	8
Лилии	8
Хочешь знать, как всё это было?.	9
Память о солнце в сердце слабеет...	10
В Царском Селе	11
1	11
2	11
3	12
Я сошла с ума, о мальчик странный...	13
Дверь полуоткрыта...	14
Мне с тобою пьяным весело...	15
Сердце к сердцу не приковано...	16
Он любил...	17
Сероглазый король	18
Вечером	19
Все мы бражники здесь, блудницы...	21
Настоящую нежность не спутаешь...	22
У меня есть улыбка одна...	23
Мальчик сказал мне: «Как это больно!..»	24
Чернеет дорога приморского сада...	26
Есть в близости людей заветная черта...	27
Я не любви твоей прошу...	28
Я улыбаться перестала...	29

Пленник чужой! Мне чужого не надо...	30
Путник милый, ты далече...	32
А, ты думал – я тоже такая...	34
На пороге белом рая...	35
Что ты бродишь неприкаянный...	36
Муза	37
Тот город, мной любимый с детства...	38
Не прислал ли лебедя за мною...	40
Не недели, не месяцы – годы...	41
Один идет прямым путем...	42
I	42
II	42
За тебя я заплатила...	43
Нет, ни в шахматы, ни в теннис...	44
Марина Цветаева	45
Лучший союз	45
Эпитафия	47
Му́ка и мука́	49
Кроме любви	50
Мальчик-бред	51
Памятью сердца	53
Болезнь	54
Разные дети	55
Декабрь и январь	57
Моим стихам, написанным так рано...	58
Я сейчас лежу ничком...	59

Прохожий	61
На радость	63
Вы, идущие мимо меня...	64
Уж сколько их упало в эту бездну...	65
Не думаю, не жалею, не спорю...	67
Я с вызовом ношу его кольцо!.	68
День угасший...	69
Лежат они, написанные наспех...	71
Безумье – и благоразумье...	72
Мне нравится, что Вы больны не мной...	74
Два солнца стынут, – о Господи, пощади!.	76
Цыганская страсть разлуки!	77
Анне Ахматовой	78
Голоса с их игрой сулящей...	80
Цветок к груди приколот...	81
В гибельном фолианте...	82
Легкомыслие! – Милый грех...	83
Заповедей не блюла, не ходила к причастью...	84
Гибель от женщины. Вот знак...	85
И взглянул, как в первые раза...	86
И другу на руку легло...	87
К озеру вышла. Крут берег...	88
Кабы нас с тобой да судьба свела...	89
Коли милым назову – не соскучишься!.	90
Много тобой пройдено...	91
Разлетелось в серебряные дребезги...	92

Собирая любимых в путь...	93
Ты, мерящий меня по дням...	95
...Я бы хотела жить с Вами...	96
Я пришла к тебе черной полночью...	97
Откуда такая нежность?.	98
Мировое началось во мгле кочевье...	99
Из Польши своей спесивой...	100
А пока твои глаза...	101
В лоб целовать – заботу стереть...	103
И в заточеньи зимних комнат...	104
Мое последнее величье	105
Расцветает сад, отцветает сад...	106
Со мной не надо говорить...	107
Не смущаю, не пою...	108
Маска – музыка... А третье...	109
Писала я на аспидной доске...	110
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Поэтессы Серебряного века (сборник)

составитель Нина Щербак

© Нина Щербак, сост. 2012

© ООО «Издательство Астрель», 2012

© ООО «Астрель-СПб», оригинал-макет, 2012

Анна Ахматова
**«Настоящую нежность
не спутаешь»**

Лилии

Я лилий нарвала прекрасных и душистых,
Стыдливо-замкнутых, как дев невинных рой,
С их лепестков, дрожащих и росистых,
Пила я аромат и счастье и покой.

И сердце трепетно сжималось, как от боли,
А бледные цветы качали головой,
И вновь мечтала я о той далекой воле,
О той стране, где я была с тобой...

Хочешь знать, как всё это было?.

Хочешь знать, как всё это было? —

Три в столовой пробило,

И, прощаясь, держась за перила,

Она словно с трудом говорила:

«Это всё... Ах нет, я забыла,

Я люблю Вас, я Вас любила

Еще тогда!»

— «Да».

Память о солнце в сердце слабеет...

Память о солнце в сердце слабеет,
Желтей трава,
Ветер снежинками ранними веет
Едва-едва.

В узких каналах уже не струится —
Стынет вода,
Здесь никогда ничего не случится. —
О, никогда!

Ива на небе кустом распластала
Веер сквозной.
Может быть, лучше, что я не стала
Вашей женой.

Память о солнце в сердце слабеет.
Что это? Тьма?
Может быть! За ночь прийти успеет
Зима.

В Царском Селе

1

По аллее проводят лошадок.
Длинные волны расчесанных грив.
О, пленительный город загадок,
Я печальна, тебя полюбив.

Странно вспомнить: душа тосковала,
Задышалась в предсмертном бреду.
А теперь я игрушечной стала,
Как мой розовый друг какаду.

Грудь предчувствием боли не сжата,
Если хочешь, в глаза погляди.
Не люблю только час пред закатом,
Ветер с моря и слово «уйди».

2

...А там мой мраморный двойник,
Поверженный под старым кленом,
Озерным водам отдал лик,

Внимает шорохам зеленым.

И моют светлые дожди
Его запекшуюся рану...
Холодный, белый, подожди,
Я тоже мраморною стану.

3

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие пни...
Здесь лежала его треуголка
И растрепанный том Парни.

Я сошла с ума, о мальчик странный...

Я сошла с ума, о мальчик странный,
В среду, в три часа!
Уколола палец безымянный
Мне звенящая оса.

Я ее нечаянно прижала,
И, казалось, умерла она,
Но конец отравленного жала,
Был острей веретена.

О тебе ли я заплачу, странном,
Улыбнется ль мне твое лицо?
Посмотри! На пальце безымянном
Так красиво гладкое кольцо.

Дверь полуоткрыта...

Дверь полуоткрыта,
Веют липы сладко...
На столе забыты
Хлыстик и перчатка.

Круг от лампы желтый...
Шорохам внимаю.
Отчего ушел ты?
Я не понимаю...

Радостно и ясно
Завтра будет утро.
Эта жизнь прекрасна,
Сердце, будь же мудро.

Ты совсем устало,
Бьешься тише, глуше...
Знаешь, я читала,
Что бессмертны души.

Мне с тобою пьяным весело...

Мне с тобою пьяным весело —
Смысла нет в твоих рассказах.
Осень ранняя развесила
Флаги желтые на вязах.

Оба мы в страну обманную
Забрели и горько каемся,
Но зачем улыбкой странною
И застывшей улыбаемся?

Мы хотели муки жалящей
Вместо счастья безмятежного...
Не покину я товарища
И беспутного и нежного.

Сердце к сердцу не приковано...

Сердце к сердцу не приковано,
Если хочешь – уходи.
Много счастья уготовано
Тем, кто волен на пути.

Я не плачу, я не жалуюсь,
Мне счастливой не бывать.
Не целуй меня, усталую, —
Смерть придется целовать.

Дни томлений острых прожиты
Вместе с белой зимой.
Отчего же, отчего же ты
Лучше, чем избранник мой?

Он любил...

Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенье, белых павлинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной
И женской истерики.
...А я была его женой.

Сероглазый король

Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король.

Вечер осенний был душен и ал,
Муж мой, вернувшись, спокойно сказал:

«Знаешь, с охоты его принесли,
Тело у старого дуба нашли.

Жаль королеву. Такой молодой!..
За ночь одну она стала седой».

Трубку свою на камине нашел
И на работу ночную ушел.

Дочку мою я сейчас разбужу,
В серые глазки ее погляжу.

А за окном шелестят тополя:
«Нет на земле твоего короля...»

Вечером

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы во льду.

Он мне сказал: «Я верный друг!»
И моего коснулся платья...
Как не похожи на объятия
Прикосновенья этих рук.

Так гладят кошек или птиц,
Так на наездниц смотрят стройных...
Лишь смех в глазах его спокойных
Под легким золотом ресниц.

А скорбных скрипок голоса
Поют за стелющимся дымом:
«Благослови же небеса —
Ты первый раз одна с любимым».

Все мы бражники здесь, блудницы...

Все мы бражники здесь, блудницы,
Как невесело вместе нам!
На стенах цветы и птицы
Томятся по облакам.

Ты куришь черную трубку,
Так странен дымок над ней.
Я надела узкую юбку,
Чтоб казаться еще стройней.

Навсегда забиты окошки.
Что нам, изморозь иль гроза?
На глаза осторожной кошки
Похожи твои глаза.

О, как сердце мое тоскует!
Не смертного ль часа жду?
А та, что сейчас танцует,
Непременно будет в аду.

Настоящую нежность не спутаешь...

Настоящую нежность не спутаешь

Ни с чем. И она тиха.

Ты напрасно бережно кутаешь

Мне плечи и грудь в меха

И напрасно слова покорные

Говоришь о первой любви.

Как я знаю эти упорные,

Несытые взгляды твои!

У меня есть улыбка одна...

У меня есть улыбка одна.

Так. Движение чуть видимое губ.

Для тебя я ее берегу —

Ведь она мне любовью дана.

Всё равно, что ты наглый и злой,

Всё равно, что ты любишь других.

Предо мной золотой аналой,

И со мной сероглазый жених.

***Мальчик сказал мне:
«Как это больно!..»***

Мальчик сказал мне: «Как это больно!»

И мальчика очень жаль...

Еще так недавно он был довольным

И только слышал про печаль.

А теперь он знает всё не хуже

Мудрых и старых Вас.

Потускнели и, кажется, стали уже

Зрачки ослепительных глаз.

Я знаю: он с болью своей не сладит,

С горькой болью первой любви.

Как беспомощно, жадно и жарко гладит

Холодные руки мои.

Чернеет дорога приморского сада...

Чернеет дорога приморского сада,
Желты и свежи фонари.
Я очень спокойная. Только не надо
Со мною о нем говорить.
Ты милый и верный, мы будем друзьями...
Гулять, целоваться, стареть...
И легкие месяцы будут над нами,
Как снежные звезды, лететь.

Есть в близости людей заветная черта...

Есть в близости людей заветная черта,
Ее не перейти влюбленности и страсти, —
Пусть в жуткой тишине сливаются уста,
И сердце рвется от любви на части.

И дружба здесь бессильна, и года
Высокого и огненного счастья,
Когда душа свободна и чужда
Медлительной истоме сладострастья.

Стремящиеся к ней безумны, а ее
Достижения — поражены тоскою...
Теперь ты понял, отчего мое
Не бьется сердце под твоей рукою.

Я не любви твоей прошу...

Я не любви твоей прошу.
Она теперь в надежном месте.
Поверь, что я твоей невесте
Ревнивых писем не пишу.
Но мудрые прими советы:
Дай ей читать мои стихи,
Дай ей хранить мои портреты, —
Ведь так любезны женихи!
А этим дурочкам нужней
Сознание полное победы,
Чем дружбы светлые беседы
И память первых нежных дней...
Когда же счастья гроши
Ты проживешь с подругой милой
И для пресыщенной души
Всё станет сразу так постыло —
В мою торжественную ночь
Не приходи. Тебя не знаю.
И чем могла б тебе помочь?
От счастья я не исцеляю.

Я улыбаться перестала...

Я улыбаться перестала,
Морозный ветер губы студит,
Одной надеждой меньше стало,
Одною песней больше будет.
И эту песню я невольно
Отдам на смех и поруганье,
Затем что нестерпимо больно
Душе любовное молчанье.

Пленник чужой! Мне чужого не надо...

Пленник чужой! Мне чужого не надо,

Я и своих-то устала считать.

Так отчего же такая отрада

Эти вишневые видеть уста?

Пусть он меня и хулит и бесславит,

Слышу в словах его сдавленный стон.

Нет, он меня никогда не заставит

Думать, что страстно в другую влюблен.

И никогда не поверю, что можно

После небесной и тайной любви

Снова смеяться и плакать тревожно

И проклинять поцелуи мои.

Путник милый, ты далече...

Путник милый, ты далече,
Но с тобою говорю.
В небесах зажглися свечи
Провожających зарю.

Путник мой, скорей направо
Обрати свой светлый взор:
Здесь живет дракон лукавый,
Мой властитель с давних пор.

А в пещере у дракона
Нет пощады, нет закона.
И висит на стенке плеть,
Чтобы песен мне не петь.

И дракон крылатый мучит,
Он меня смиренью учит,
Чтоб забыла дерзкий смех,
Чтобы стала лучше всех.

Путник милый, в город дальний
Унеси мои слова,
Чтобы сделался печальней

Тот, кем я еще жива.

А, ты думал – я тоже такая...

А, ты думал – я тоже такая,
Что можно забыть меня,
И что брошусь, моля и рыдая.
Под копыта гнедого коня.

Или стану просить у знахарок
В наговорной воде корешок
И пришлю тебе страшный подарок —
Мой заветный душистый платок.

Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом
Окаянной души не коснусь,
Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенных чадом —
Я к тебе никогда не вернусь.

На пороге белом рая...

На пороге белом рая,
Оглянувшись, крикнул: жду,
Завещал мне, умирая,
Благостность и нищету.

И когда прозрачно небо,
Видит, крыльями звеня,
Как делюсь я коркой хлеба
С тем, кто просит у меня.

А когда, как после битвы,
Облака плывут в крови,
Слышит он мои молитвы,
И слова моей любви.

Что ты бродишь неприкаянный...

Что ты бродишь неприкаянный,

Что глядишь ты не дыша?

Верно, понял: крепко спаяна

На двоих одна душа.

Будешь, будешь мной утешенным,

Как не снилось никому,

А обидишь словом бешеным —

Станет больно самому.

Муза

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.

И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Ответает: «Я».

Тот город, мной любимый с детства...

Тот город, мной любимый с детства,
В его декабрьской тишине
Моим промотанным наследством
Сегодня показался мне.

Всё, что само давалось в руки,
Что было так легко отдать:
Душевный жар, молений звуки
И первой песни благодать —

Всё унеслось прозрачным дымом,
Истлело в глубине зеркал...
И вот уж о невозвратимом
Скрипач безносый заиграл.

Но с любопытством иностранки,
Плененной каждой новизной,
Глядела я, как мчатся санки,
И слушала язык родной.

И дикой свежестью и силой
Мне счастье веяло в лицо,
Как будто друг от века милый

Всходил со мною на крыльцо.

Не прислал ли лебедя за мною...

Не прислал ли лебедя за мною,
Или лодку, или черный плот? —
Он в шестнадцатом году весною
Обещал, что скоро сам придет.
Он в шестнадцатом году весною
Говорил, что птицей прилечу
Через мрак и смерть к его покою,
Прикоснусь крылом к его плечу.
Мне его еще смеются очи
И теперь, шестнадцатой весной.
Что мне делать! Ангел полуночи
До зари беседует со мной.

Не недели, не месяцы – годы...

Не недели, не месяцы – годы
Расставались. И вот наконец
Холодок настоящей свободы
И седой над висками венец.
Больше нет ни измен, ни предательств,
И до света не слушаешь ты,
Как струится поток доказательств,
Несравненной моей правоты.

Один идет прямым путем...

I

Один идет прямым путем,
Другой идет по кругу
И ждет возврата в отчий дом,
Ждет прежнюю подругу.
А я иду (за мной беда)
Не прямо и не косо.
А в никуда и в никогда,
Как поезда с откоса.

II

Но я предупреждаю Вас,
Что живу в последний раз.
Ни ласточкой, ни кленом,
Ни тростником и ни звездой,
Ни родниковой водой,
Ни колокольным звоном —
Не стану я людей смущать
И сны чужие навещать
Неутоленным стоном.

За тебя я заплатила...

За тебя я заплатила
Чистоганом,
Ровно десять лет ходила
Под наганом.
Ни налево, ни направо
Не глядела,
А за мной худая слава
Шелестела.

Нет, ни в шахматы, ни в теннис...

Нет, ни в шахматы, ни в теннис...

То, во что с тобой играю,

Называют по-другому,

Если нужно называть...

Ни разлукой, ни свиданьем,

Ни беседой, ни молчаньем...

И от этого немного

Холодеет кровь твоя.

Марина Цветаева

«Мне нравится, что Вы больны не мной»

Лучший союз

Ты с детства полюбила тень,
Он рыцарь грезы с колыбели.
Вам голубые птицы пели
О встрече каждый вешний день.

Вам мудрый сон сказал украдкой:
– «С ним – лишь на небе!» – «Здесь – не с ней!»
Уж с колыбельных нежных дней
Вы лучшей связаны загадкой.

Меж вами пропасть глубока,
Но нарушаются запреты
В тот час, когда не спят портреты,
И плачет каждая строка.

Он рвется весь к тебе, а ты
К нему протягиваешь руки,

Но Ваши встречи – только муки,
И речью служат вам цветы.

Ни страстных вздохов, ни смятений
Пустым, доверенных, словам!
Вас обручила тень, и вам
Священны в жизни – только тени.

Эпитафия

Л. А. Т.

На земле

– «Забилась в угол, глядишь упрямо...
Скажи, согласна? Мы ждем давно».
– «Ах, я не знаю. Оставьте, мама!
Оставьте, мама. Мне всё равно!»

Последнее слово

О будь печальна, будь прекрасна,
Храни в душе осенний сад!
Пусть будет светел твой закат,
Ты над зарей была не властна.

Такой как ты нельзя обидеть:
Суровый звук – порвется нить!

В земле

- «Не тяжки ль вздохи усталой груди?
В могиле тесной всегда ль темно?»
- «Ах, я не знаю. Оставьте, люди!
Оставьте, люди! Мне всё равно!»

Над землей

- «Добро любила ль, всем сердцем, страстно?
Зло – возмущало ль тебя оно?»
- «О Боже правый, со всем согласна!
Я так устала. Мне всё равно!»

Му́ка и мука́

– «Всё перемелется, будет мукой!»

Люди утешены этой наукой.

Станет мукою, что было тоской?

Нет, лучше мукой!

Люди, поверьте: мы живы тоской!

Только в тоске мы победны над скукой.

Всё перемелется? Будет мукой?

Нет, лучше мукой!

Кроме любви

Не любила, но плакала. Нет, не любила, но всё же
Лишь тебе указала в тени обожаемый лик.
Было всё в нашем сне на любовь не похоже:
Ни причин, ни улик.

Только нам этот образ кивнул из вечернего зала,
Только мы – ты и я – принесли ему жалобный стих.
Обожания нить нас сильнее связала,
Чем влюбленность – других.

Но порыв миновал, и приблизился ласково кто-то,
Кто молиться не мог, но любил. Осуждать не спеши
Ты мне памятен будешь, как самая нежная нота
В пробуждении души.

В этой грустной душе ты бродил, как в незапертом доме
(В нашем доме, весною...) Забывшей меня не зови!
Все минуты свои я тобою наполнила, кроме
Самой грустной – любви.

Мальчик-бред

Алых роз и алых маков
Я принес тебе букет.
Я ни в чем не одинаков,
Я – веселый мальчик-бред.

Свечку желтую задую, —
Будет розовый фонарь.
Диадему золотую
Я надену, словно царь.

Полно, царь ли? Я волшебник,
Повелитель сонных царств,
Исцеляющий лечебник
Без пилюль и без лекарств.

Что лекарства! Что пилюли!
Будем, детка, танцевать!
Уж летит верхом на стуле
Опустевшая кровать.

Алый змей шуршит и вьется,
А откуда, – мой секрет!
Я смеюсь, и все смеется.

Я – веселый мальчик-бред!

Памятью сердца

Памятью сердца – венком незабудок
Я окружила твой милый портрет.
Днем утоляет и лечит рассудок,
Вечером – нет.

Бродят шаги в опечаленной зале,
Бродят и ждут, не идут ли в ответ.
«Все заживает», мне люди сказали...
Вечером – нет.

Болезнь

«Полюбился ландыш белый
Одинокой резеде.
Что зеваешь?» – «Надоело!»
«Где болит?» – «Нигде!»

«Забавлял ее на грядке
Болтовнею красный мак.
Что надулся?» – «Ландыш гадкий!»
«Почему?» – «Да так!»

«Видно счастье в этом маке,
Быть у красного в плену!..
Что смеешься?» – «Волен всякий!»
«Баловник!» – «Да ну?»

«Полюбился он невольно
Одинокой резеде.
Что вздыхаешь?» – «Мама, больно!»
«Где болит?» – «Везде!»

Разные дети

Есть тихие дети. Дремать на плече
У ласковой мамы им сладко и днем.
Их слабые ручки не рвутся к свече, —
Они не играют с огнем.

Есть дети – как искры: им пламя сродни.
Напрасно их учат: «Ведь жжется, не тронь!»
Они своенравны (ведь искры они!)
И смело хватают огонь.

Есть странные дети: в них дерзость и страх.
Крестом потихоньку себя осея,
Подходят, не смеют, бледнеют в слезах
И плача бегут от огня.

Мой милый! Был слишком небрежен твой суд:
«Огня побоялась – так гибни во мгле!»
Твои обвинения мне сердце грызут
И душу пригнули к земле.

Есть странные дети: от страхов своих
Они погибают в туманные дни.
Им нету спасенья. Подумай о них

И слишком меня не вини!

Ты душу надолго пригнул мне к земле...

– Мой милый, был так беспощаден твой суд! —

Но всё же я сердцем твоя – и во мгле

«За несколько светлых минут!»

Декабрь и январь

В декабре на заре было счастье,

Длилось – миг.

Настоящее, первое счастье

Не из книг!

В январе на заре было горе,

Длилось – час.

Настоящее, горькое горе

В первый раз!

Моим стихам, написанным так рано...

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я – поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,
Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти
– Нечитанным стихам! —
Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Я сейчас лежу ничком...

Я сейчас лежу ничком
– Взбешенная! – на постели.
Если бы Вы захотели
Быть моим учеником,

Я бы стала в тот же миг
– Слышите, мой ученик? —

В золоте и в серебре
Саламандра и Ундина.
Мы бы сели на ковре
У горящего камина.

Ночь, огонь и лунный лик...
– Слышите, мой ученик?

И безудержно – мой конь
Любит бешеную скачку! —
Я метала бы в огонь
Прошное – за пачкой пачку:

Старых роз и старых книг.
– Слышите, мой ученик? —

А когда бы улеглась
Эта пепельная груда, —
Господи, какое чудо
Я бы сделала из Вас!

Юношей воскрес старик!
— Слышите, мой ученик? —

А когда бы Вы опять
Бросились в капкан науки,
Я осталась бы стоять,
Заломив от счастья руки.

Чувствуя, что ты — велик!
— Слышите, мой ученик?

Прохожий

Идешь, на меня похожий,
Глаза устремляя вниз.
Я их опускала – тоже!
Прохожий, остановись!

Прочти – слепоты куриной
И маков набрав букет,
Что звали меня Мариной,
И сколько мне было лет.

Не думай, что здесь – могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь прилиwała к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже была, прохожий!
Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий
И ягоду ему вслед, —
Кладбищенской земляники

Крупнее и слаще нет.

Но только не стой угрюмо,
Главу опустив на грудь,
Легко обо мне подумай,
Легко обо мне забудь.

Как луч тебя освещает!
Ты весь в золотой пыли...
– И пусть тебя не смущает
Мой голос из-под земли.

На радость

С. Э.

Ждут нас пыльные дороги,
Шалаши на час
И звериные берлоги
И старинные чертоги...
Милый, милый, мы, как боги:
Целый мир для нас!

Всюду дома мы на свете,
Все зовя своим.
В шалаше, где чинят сети,
На сияющем паркете...
Милый, милый, мы, как дети:
Целый мир двоим!

Солнце жжет, – на север с юга,
Или на луну!
Им очаг и бремя плуга,
Нам простор и зелень луга...
Милый, милый, друг у друга
Мы навек в плену!

Вы, идущие мимо меня...

Вы, идущие мимо меня
К не моим и сомнительным чарам, —
Если б знали Вы, сколько огня,
Сколько жизни, растроченной даром,

И какой героический пыл
На случайную тень и на шорох...
И как сердце мне испепелил
Этот даром истраченный порох.

О, летящие в ночь поезда,
Уносящие сон на вокзале...
Впрочем, знаю я, что и тогда
Не узнали бы Вы – если б знали —

Почему мои речи резки
В вечном дыме моей папиросы, —
Сколько темной и грозной тоски
В голове моей светловолосой.

Уж сколько их упало в эту бездну...

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверстую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.

Застынет всё, что пело и боролось,
Сияло и рвалось:
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.

И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет всё – как будто бы под небом
И не было меня!

Изменчивой, как дети, в каждой mine
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой,

Виолончель и кавалькады в чаще,
И колокол в селе...
– Меня, такой живой и настоящей

На ласковой земле!

– К вам всем – что мне, ни в чем не знавшей меры,
Чужие и свои?!

Я обращаюсь с требованием веры
И с просьбой о любви.

И день и ночь, и письменно и устно:
За правду да и нет,
За то, что мне так часто – слишком грустно
И только двадцать лет,

За то, что мне – прямая неизбежность —
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность,
И слишком гордый вид,

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
– Послушайте! – Еще меня любите
За то, что я умру.

Не думаю, не жалуюсь, не спорю...

Не думаю, не жалуюсь, не спорю.

Не сплю.

Не рвусь ни к солнцу, ни к луне, ни к морю,

Ни к кораблю.

Не чувствую, как в этих стенах жарко,

Как зелено в саду.

Давно желанного ижданного подарка

Не жду.

Не радуют ни утро, ни трамвая

Звонящий бег.

Живу, не видя дня, позабывая

Число и век.

На, кажется, надрезанном канате

Я – маленький плясун.

Я – тень от чьей-то тени. Я – лунатик

Двух темных лун.

Я с вызовом ношу его кольцо!.

С. Э.

Я с вызовом ношу его кольцо!
— Да, в Вечности — жена, не на бумаге. —
Его чрезмерно узкое лицо
Подобно шпаге.

Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.

Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза — прекрасно-бесполезны! —
Под крыльями раскинутых бровей —
Две бездны.

В его лице я рыцарству верна,
— Всем вам, кто жил и умирал без страху! —
Такие — в роковые времена —
Слагают стансы — и идут на плаху.

День угасший...

День угасший
Нам порознь нынче гас.
Это жестокий час —
Для Вас же.

Время – совье,
Пусть птенчика прячет мать.
Рано Вам начинать
С любовью.

Помню первый
Ваш шаг в мой недобрый дом,
С пряничным петухом
И вербой.

Отрок чахлый,
Вы жимолостью в лесах,
Облаком в небесах —
Вы пахли!

На коленях
Снищу ли прощенья за
Слезы в твоих глазах

Оленьих.

Милый сверстник,
Еще в Вас душа – жива!
Я же люблю слова
И перстни.

Лежат они, написанные наспех...

Лежат они, написанные наспех,
Тяжелые от горечи и нег.
Между любовью и любовью распят
Мой миг, мой час, мой день, мой год, мой век

И слышу я, что где-то в мире – грозы,
Что амазонок копья блещут вновь.
– А я пера не удержу! – Две розы
Сердечную мне высосали кровь.

Безумье – и благоразумье...

Безумье – и благоразумье,
Позор – и честь,
Всё, что наводит на раздумье,
Всё слишком есть —

Во мне. – Все каторжные страсти
Свились в одну! —
Так в волосах моих – все масти
Ведут войну!

Я знаю весь любовный шепот,
– Ах, наизусть! —
– Мой двадцатидвухлетний опыт —
Сплошная грусть!

Но облик мой – невинно розов,
– Что ни скажи! —
Я виртуоз из виртуозов
В искусстве лжи.

В ней, запускаемой как мячик
– Ловимый вновь! —
Моих прабабушек-полячек

Сказалась кровь.

Лгу оттого, что по кладбищам
Трава растет,
Лгу оттого, что по кладбищам
Метель метет...

От скрипки – от автомобиля —
Шелков, огня...
От пытки, что не все любили
Одну меня!

От боли, что не я – невеста
У жениха...
От жеста и стиха – для жеста
И для стиха!

От нежного боа на шее...
И как могу
Не лгать, – раз голос мой нежнее,
Когда я лгу...

Мне нравится, что Вы больны не мной...

Мне нравится, что Вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не Вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной —
Распущенной – и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Мне нравится еще, что Вы при мне
Спокойно обнимаете другую,
Не прочтите мне в адовом огне
Гореть за то, что я не Вас целую.
Что имя нежное мое, мой нежный, не
Упоминаете ни днем, ни ночью – всуе...
Что никогда в церковной тишине
Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо Вам и сердцем и рукой
За то, что Вы меня – не зная сами! —
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,

За наши не-гулянья под луной,
За солнце, не у нас над головами, —
За то, что Вы больны – увы! – не мной,
За то, что я больна – увы! – не Вами!

***Два солнца стынут, –
о Господи, пощади!.***

Два солнца стынут, – о Господи, пощади! —
Одно – на небе, другое – в моей груди.

Как эти солнца, – прощу ли себе сама? —
Как эти солнца сводили меня с ума!

И оба стынут – не больно от их лучей!
И то остынет первым, что горячей.

Цыганская страсть разлуки!

Цыганская страсть разлуки!

Чуть встретишь – уж рвешься прочь!

Я лоб уронила в руки

И думаю, глядя в ночь:

Никто, в наших письмах роясь,

Не понял до глубины,

Как мы вероломны, то есть —

Как сами себе верны.

Анне Ахматовой

Узкий, нерусский стан —
Над фолиантами.
Шаль из турецких стран
Пала, как мантия.

Вас передашь одной
Ломаной черной линией.
Холод — в весельи, зной —
В Вашем унынии.

Вся Ваша жизнь — озноб,
И завершится — чем она?
Облачный — темен — лоб
Юного демона.

Каждого из земных
Вам заиграть — безделица!
И безоружный стих
В сердце нам целится.

В утренний сонный час,
— Кажется, четверть пятого, —
Я полюбила Вас,

Анна Ахматова.

Голоса с их игрой сулящей...

Голоса с их игрой сулящей,
Взгляды яростной черноты,
Опаленные и палящие
Роковые рты —

О, я с Вами легко боролась!
Но, — что делаете со мной
Вы, насмешка в глазах, и в голосе
Холодок родной.

Цветок к груди приколот...

Цветок к груди приколот,
Кто приколол, — не помню.
Ненасытим мой голод
На грусть, на страсть, на смерть.

Виолончелью, скрипом
Дверей и звоном рюмок,
И лязгом шпор, и криком
Вечерних поездов,

Выстрелом на охоте
И бубенцами троек —
Зовете Вы, зовете
Нелюбленные мной!

Но есть еще услада:
Я жду того, кто первый
Поймет меня, как надо —
И выстрелит в упор.

В гибельном фолианте...

В гибельном фолианте
Нету соблазна для
Женщины. – Ars Amandi¹
Женщине – вся земля.

Сердце – любовных зелий
Зелье – вернее всех.
Женщина с колыбели
Чей-нибудь смертный грех.

Ах, далеко до неба!
Губы – близки во мгле...
– Бог, не суди! – Ты не был
Женщиной на земле!

¹ Искусство любви (лат.).

Легкомыслие! – Милый грех...

Легкомыслие! – Милый грех,
Милый спутник и враг мой милый!
Ты в глаза мне вбрызнул смех,
и мазурку мне вбрызнул в жилы.

Научив не хранить кольца, —
С кем бы Жизнь меня ни венчала!
Начинать наугад с конца,
И кончать еще до начала.

Быть как стебель и быть как сталь
В жизни, где мы так мало можем...
– Шоколадом лечить печаль,
И смеяться в лицо проходим!

Заповедей не блюла, не ходила к причастью...

Заповедей не блюла, не ходила к причастью.
— Видно, пока надо мной не пропоют литию, —
Буду грешить — как грешу — как грешила: со страстью!
Господом данными мне чувствами — всеми пятью!

Други! — Сообщники! — Вы, чьи наущения — жгучи!
— Вы, сопреступники! — Вы, нежные учителя!
Юноши, девы, деревья, созвездия, тучи, —
Богу на Страшном суде вместе ответим, Земля!

Гибель от женщины. Вот знак...

О. Э. Мандельштаму

Гибель от женщины. Вот знак
На ладони твоей, юноша.
Долу глаза! Молись! Берегись! Враг
Бдит в полночи.

Не спасет ни песен
Небесный дар, ни надменнейший вырез губ.
Тем ты и люб,
Что небесен.

Ах, запрокинута твоя голова,
Полузакрыты глаза – что? – пряча.
Ах, запрокинется твоя голова —
Иначе.

Голыми руками возьмут – ретив! упрям! —
Криком твоим всю ночь будет край звонок!
Растреплют крылья твои по всем четырем ветрам!
Серафим! – Орленок!

И взглянул, как в первые раза...

И взглянул, как в первые раза

Не глядят.

Черные глаза глотнули взгляд.

Вскинула ресницы и стою.

– Что, – светла? —

Не скажу, что выпита дотла.

Всё до капли поглотил зрачок.

И стою.

И течет твоя душа в мою.

И другу на руку легло...

И другу на руку легло
Крылатки тонкое крыло.
Что я поистине крылата,
Ты понял, спутник по беде!
Но, ах, не справиться тебе
С моею нежностью проклятой!

И, благодарный за тепло,
Целуешь тонкое крыло.

А ветер гасит огоньки
И треплет пестрые палатки,
А ветер от твоей руки
Отводит крылышко крылатки...
И дышит: душу не губи!
Крылатых женщин не люби!

К озеру вышла. Крут берег...

К озеру вышла. Крут берег.
Сизые воды в снег сбиты,
На голос воют. Рвут пасти —
Что звери.

Кинула перстень. Бог с перстнем!
Не по руке мне, знать, кован!
В серебро пены кань, злато,
Кань с песней.

Ярой дугою — как брызнет!
Встречной дугою — млад — лебедь
Как всполохнется, как взмоет
В день сизый!

Кабы нас с тобой да судьба свела...

Кабы нас с тобой да судьба свела —
Ох, веселые пошли бы по земле дела!
Не один бы нам поклонился град,
Ох мой родный, мой природный, мой безродный брат!

Как последний стас на мосту фонарь —
Я кабацкая царица, ты кабацкий царь.
Присягай, народ, моему царю!
Присягай его царице, — всех собой дарю!

Кабы нас с тобой да судьба свела,
Поработали бы царские на нас колокола!
Поднялся бы звон по Москве-реке
О прекрасной самозванке и ее дружке.

Нагулявшись, наплясавшись на шальном пиру,
Покачались бы мы, братец, на ночном ветру...
И пылила бы дороженька — бела, бела, —
Кабы нас с тобой — да судьба свела!

Коли милым назову – не соскучишься!.

Коли милым назову – не соскучишься!
Богородицей – слыву – Троеручицей:
Одной – крепости крушу, друга – таютка,
Третьей по морю пишу – рыбам грамотку.

А немилый кто взойдет да придвинется,
Подивится весь народ, что за схимница!
Филин ухнет, черный кот ошестинится.
Будешь помнить цельный год – чернокнижницу!

Черт: ползком не продерусь! – а мне едётся!
Хочешь, с зеркальцем пройду – в гололедицу?
Ради барских твоих нужд – хошь в метельщицы!
Только в мамки – не гоюсь – в колыбельщицы!

Коль похожа на жену – где повойник мой?
Коль похожа на вдову – где покойник мой?
Коли суженого жду – где бессонница?
Царь-Девичею живу – беззаконницей!

Много тобой пройдено...

Много тобой пройдено
Русских дорог глухих.
Ныне же вся родина
Причащается тайн твоих.

Все мы твои причастники,
Смилуйся, допусти! —
Кровью своей причастны мы
Крестному твоему пути.

Чаша сия – полная,
– Причастимся Святых даров!
Слезы сии солоны,
– Причастимся Святых даров!

Тянут к тебе матери
Кровную кровь свою.
Я же – слепец на паперти —
Имя твое пою.

Разлетелось в серебряные дребезги...

Разлетелось в серебряные дребезги
Зеркало, и в нем – взгляд.
Лебеди мои, лебеди
Сегодня домой летят!

Из облачной выси выпало
Мне прямо на грудь – перо.
Я сегодня во сне рассыпала
Мелкое серебро.

Серебряный клич – звонок.
Серебряно мне – петь!
Мой выкормыш! Лебеденок!
Хорошо ли тебе лететь?

Пойду и не скажусь
Ни матери, ни сродникам.
Пойду и встану в церкви,
И помолюсь угодникам
О лебеде молоденьком.

Собирая любимых в путь...

Собирая любимых в путь,
Я им песни пою на память —
Чтобы приняли как-нибудь,
Что когда-то дарили сами.

Зеленеющею тропой
Довожу их до перекрестка.
Ты без устали, ветер, пой,
Ты, дорога, не будь им жесткой!

Туча сизая, слез не лей, —
Как на праздник они обуты!
Ущеми себе жало, змей,
Кинь, разбойничек, нож свой лютый.

Ты, прохожая красота,
Будь веселою им невестой.
Потруди за меня уста, —
Наградит тебя Царь Небесный!

Разгорайтесь, костры, в лесах,
Разгоняйте зверей берложьих.
Богородица в небесах,

Вспомяни о моих прохожих!

Ты, мерящий меня по дням...

Ты, мерящий меня по дням,
Со мною, жаркой и бездомной,
По распаленным площадям —
Шатался – под луной огромной?

И в зачумленном кабаке,
Под визг неистового вальса,
Ломал ли в пьяном кулаке
Мои пронзительные пальцы?

Каким я голосом во сне
Шепчу – слышал? – О, дым и пепел!
Что можешь знать ты обо мне,
Раз ты со мной не спал и не пил?

...Я бы хотела жить с Вами...

...Я бы хотела жить с Вами

В маленьком городе,

Где вечные сумерки

И вечные колокола.

И в маленькой деревенской гостинице —

Тонкий звон

Старинных часов – как капельки времени.

И иногда, по вечерам, из какой-нибудь мансарды

Флейта,

И сам флейтист в окне.

И большие тюльпаны на окнах.

И может быть, Вы бы даже меня любили...

Посреди комнаты – огромная изразцовая печка,

На каждом изразце – картинка:

Роза – сердце – корабль. —

А в единственном окне —

Снег, снег, снег.

Вы бы лежали – каким я Вас люблю: ленивый,

Равнодушный, беспечный.

Изредка резкий треск

Спички.

Я пришла к тебе черной полночью...

Я пришла к тебе черной полночью,
За последней помощью.
Я – бродяга, родства не помнящий,
Корабль тонущий.

В слободах моих – междуцарствие,
Чернецы коварствуют.
Всяк рядится в одежды царские,
Псари царствуют.

Кто земель моих не оспаривал,
Сторожей не спаивал?
Кто в ночи не варил – варева,
Не жег – зарева?

Самозванцами, псами хищными,
Я до тла расхищена.
У палат твоих, царь истинный,
Стою – нищая!

Откуда такая нежность?.

О. Э. Мандельштаму

Откуда такая нежность?
Не первые – эти кудри
Разглаживаю, и губы
Знавала – темней твоих.

Всходили и гасли звезды,
Откуда такая нежность? —
Всходили и гасли очи
У самых моих очей.

Еще не такие гимны
Я слушала ночью темной,
Венчаемая – о нежность? —
На самой груди певца.

Откуда такая нежность?
И что с нею делать, отрок
Лукавый, певец захожий,
С ресницами – нет длинней?

Мировое началось во мгле кочевье...

Мировое началось во мгле кочевье:

Это бродят по ночной земле – деревья,

Это бродят золотым вином – гроздья,

Это странствуют из дома в дом – звезды,

Это реки начинают путь – вспять!

И мне хочется к тебе на грудь – спать.

Из Польши своей спесивой...

Из Польши своей спесивой
Принес ты мне речи льстивые,
Да шапочку соболиную,
Да руку с перстами длинными,
Да нежности, да поклоны,
Да княжеский герб с короною.

– А я тебе принесла
Серебряных два крыла.

А пока твои глаза...

А пока твои глаза
– Черные – ревнивы,
А пока на образа
Молишься лениво —
Надо, мальчик, целовать
В губы – без разбору.
Надо, мальчик, под забором
И днeвать и нoчевать.

И плывет церковный звон
По дороге белой.
На заре-то – самый сон
Молодому телу!
(А погаснут все огни —
Самая забава!)
А не то – пройдут без славы
Черны ночи, белы дни.

Летом – светло без огня,
Летом – ходишь ходко.
У кого увел коня,
У кого красотку.
– Эх, и врет, кто нам поет

Спать с тобою розно!
Милый мальчик, будет поздно,
Наша молодость пройдет!

Не взыщи, шальная кровь,
Молодое тело!
Я про бедную любовь
Спела – как сумела!
Будет день – под образа
Ледяная – ляжу.
– Кто тогда тебе расскажет
Правду, мальчику, в глаза?

В лоб целовать – заботу стереть...

В лоб целовать – заботу стереть.

В лоб целую.

В глаза целовать – бессонницу снять.

В глаза целую.

В губы целовать – водой напоить.

В губы целую.

В лоб целовать – память стереть.

В лоб целую.

И в заточеньи зимних комнат...

И в заточеньи зимних комнат
И сонного Кремля —
Я буду помнить, буду помнить
Просторные поля.

И легкий воздух деревенский,
И полдень, и покой, —
И дань моей гордыне женской
Твоей слезы мужской.

Мое последнее величье

Мое последнее величье
На дерзком голоде заплат!
В сухие руки ростовщицы
Снесен последний мой заклад.

Промотанному – в ночь – наследству
У Господа – особый счет.
Мой – не сошелся. Не по средствам
Мне эта роскошь: ночь и рот.

Простимся ж коротко и просто
– Раз руки не умеют красть! —
С тобой, нелепейшая роскошь,
Роскошная нелепость! – страсть!

Расцветает сад, отцветает сад...

Расцветает сад, отцветает сад.
Ветер встреч подул, ветер мчит разлук.
Из обрядов всех чту один обряд:
Целованье рук.

Города стоят, и стоят дома.
Юным женщинам – красота дана,
Чтоб сходить с ума – и сводить с ума
Города. Дома.

В мире музыка – изо всех окон,
И цветет, цветет Моисеев куст.
Из законов всех – чту один закон:
Целованье уст.

Со мной не надо говорить...

Со мной не надо говорить,

Вот губы: дайте пить.

Вот волосы мои: погладь.

Вот руки: можно целовать.

– А лучше дайте спать.

Не смущаю, не пою...

Не смущаю, не пою
Женскою отравой.
Руку верную даю —
Пишущую, правую.

Той, которою крещу
На ночь — ненаглядную.
Той, которою пишу
То, что Богом задано.

Левая — она дерзка,
Льстивая, лукавая.
Вот тебе моя рука —
Праведная, правая!

Маска – музыка... А третье...

Маска – музыка... А третье
Что любимое? – Не скажет.
И я тоже не скажу.

Только знаю, только знаю
– Шалой головой ручаюсь! —
Что не мать – и не жена.

Только знаю, только знаю,
Что как музыка и маска,
Как Москва – маяк – магнит —

Как метель – и как мазурка
Начинается на М.

– Море или мандарины?

Писала я на аспидной доске...

С. Э.

Писала я на аспидной доске,
И на листочках вееров поблеклых,
И на речном, и на морском песке,
Коньками по льду и кольцом на стеклах, —

И на стволах, которым сотни зим,
И, наконец, — чтоб всем было известно! —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.